

ЭНА ТРАМП

Должок, 1988

Эна Трамп
Должок, 1988

«Издательские решения»

Трамп Э.

Должок, 1988 / Э. Трамп — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504336-8

Об одном путешествии, закончившемся в лесу под Бакинском. Бакинск — вымышленный город на повороте от Новгорода по дороге на Москву. 1988 год. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-504336-8

© Трамп Э.
© Издательские решения

Должок, 1988

Эна Трамп

© Эна Трамп, 2019

ISBN 978-5-0050-4336-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1988

Эта машина была плохая, даже без места за плечом, где можно было бы лечь. Шофер тоже был плохой: разговорчивый и веселый. И глупый. На удивление.

Она не думала так. Г л у п ы й. Это слово не имело значения. Он ее взял. Чтобы поговорить. Ему было скучно в пути; и она разговаривала с ним, отвечала на его вопросы, упрощая свои мысли до той степени, когда ему станет понятно. Он взял ее, чтобы поговорить, очень долго ехал один, и она отвечала ему, и сама что-то рассказывала; ей не было от этого хорошо, но она и не ждала, что будет хорошо; просто ехала, и, отвечая ему, думала о своем, вот так думала: еду.

Когда настала ночь, он уже не так много говорил, и она могла спокойно думать о своем, пока он молчит и тоже о чем-то думает. «Вот я раньше, – говорил он, глядя вперед, – мне так просто было... я знал, что мне нужно... Вот еще года четыре назад, вот у меня есть сын... я подбивал бабки, чтобы его вырастить... вот как бы это сказать – ездил, подбивал бабки, все как надо... А теперь я не знаю... ну вот у него тоже будет сын... И что?» Не такой уж он и глупый оказывался. Она сказала, не переставая думать о своем: «Чем больше мы знаем, тем меньше понимаем». «Да-да! – обрадовался он и заспешил, теряясь в словах: – Я теперь вообще не понимаю, ну... как бы это... езжу...» Потом он сказал о том, что любит свою машину.

Она смотрела вперед. Трасса уходила под колеса. И сходилась на горизонте. Деревья качались по сторонам дороги, разбегались по бокам и проносились мимо.

Шофер молчал. Всюду была ночь. Она взяла свою сумку, поставила рядом, потом подвигалась, устраиваясь поудобнее, и наконец легла на бок, сумку под голову. Сразу же возникла картинка: дорога, бегущая под колеса, потом сразу переходящая в город, дома все время менялись и сменялись лицами людей, тоже не остающимися ни на секунду позже: только посмотреть.

Ночью она несколько раз просыпалась, садилась, смотрела на дорогу. Шофер молчал. И хорошо делал, сейчас бы она говорить не смогла. Мотор гудел, проносились деревья, качая ветками, как в кино без звука. Там был ветер. Ей хотелось высунуть руку в ветер, но не хотелось шевелиться. Она смотрела на трассу вперед, в желтый свет фар. Тогда появлялось странное ощущение.

Потом она снова ложилась спать. Было очень неудобно, но засыпала моментально. В любой позе, и просыпалась от того, что болела спина, или ноги. Тогда она снова садилась и смотрела вперед.

...проснулась, было светло. Машина стояла на заправке. Шофер ходил за окном, потом открыл дверь кабины, что-то вытащил из-под сиденья, захлопнул. Она села, стала вытирать глаза, чувствуя себя помятой и несвежей.

Шофер снова открыл дверь, и шум оттуда ворвался в кабину вместе с запахом бензина и свежим холодным воздухом. Поставил под сиденье канистру, хлопнул дверью, оставшись там. Ей было холодно, она сцепила руки под коленями. Все равно холодно. Она содрогнулась.

Когда поехали дальше, она уже не ложилась. Старательно таращила глаза вперед (спать все же хотелось). Шофер шутит поутрае, освеженный пробежкой вокруг машины. Она молчала. Трогала рукой свои волосы, расчесывала пальцами. Волосы были грязными, и ногти тоже становились грязными.

Она смотрела вперед, на дорогу.

Небо впереди, у горизонта, было сиренево-розовым, в тонких полосках облаков.

А ПОТОМ ИЗ-ЗА ОБЛАКОВ... ПОКАЗАЛОСЬ... И БЫСТРО ВЫЕХАЛО ВВЕРХ ОГРОМНОЕ КРАСНОЕ СОЛНЦЕ

«Сиди, сиди, Яша, на муравейнике»

Винни-Пух

– ДА ПОЧЕМУ ЖЕ так плохо? – Она остановилась как вкопанная. Тохе тоже пришлось остановиться, тут он увидел, что она кусает губу, а по лицу течет слеза. Он ничего не понимал. Он взял ее за плечи осторожно, но она вывернулась и замотала головой, повторяя: «Плохо, плохо!»

– Ты что... – Тоху пронзило подозрение. – Влюбилась в кого-нибудь?

– Да нет... При чем тут это! Ты ничего не понимаешь!.. – Она поморщилась, вторая слеза покатила по лицу.

– Ты меня любишь? – спросил Тоха. – Тогда обними меня. Обними меня.

Он сам обнял ее и повернул. Она не сопротивлялась. До самого дома плакала. Иногда начинала что-то говорить: «Ты не понимаешь, мне было так хорошо... один мальчик в меня влюбился, и мне он очень нравился, но я не стала с ним, очень хороший мальчик, но я знала, что у меня есть ты... Мне не нужно было никого, это отдельно, но я думала, что у меня есть ты, и что я к тебе вернусь...» Тоха слушал вполуха. Перед домом она немного успокоилась и сказала: «Я следующим летом снова поеду».

– Что-о? – Теперь Тоха остановился. – Никуда я тебя не пушу! Ты сказала – один раз!.. – Он был возмущен, почти взбешен. – Две недели где-то шлялись с этой своей Макаровой! Ты забываешь, что ты моя жена! Или ты думаешь, я тебе мальчик, меня можно через хуй пробрасывать?!

– Что ты ругаешься! – закричала она изо всех сил и ударила его ладонью по спине. Он чуть не ударил в ответ, еле сдержался. Она плакала и выкрикивала, став совсем уродливой: «Ты что думаешь, ты меня поймел?.. Если б я знала, я бы ни за что с тобой не стала расписываться! Я бродяга, понял? Тебе меня все равно не удержать!..»

– Тварь, – сказал Тоха, ослепленный яростью. – Мое мнение, значит, совсем в заднице? Я, значит, тебе мальчик, да? меня можно и в расчет не принимать.

Она повернулась и, плача, вбежала в подъезд, Тоха за ней. Догнал, схватил, она вырвалась. Потом стихла. «Пойдем домой», – сказал Тоха.

Дома она долго сидела в ванной, включив воду. Тоха лежал на диване, раздевшись, ждал ее. Наконец она вошла, с припухшими глазами, не глядя на него, прошла к столу. «Иди сюда», – сказал Тоха сдавленным от желания голосом. «Слышишь? Иди сюда. Поцелуй меня». Она, не глядя, шагнула куда-то в сторону, потом подошла и села на край дивана. Тоха стал ее обнимать и раздевать. «Ты меня любишь?» – спросил он. Она сказала холодно: «Я же тебя просила не спрашивать об этом». «Нет, ты скажи», – настаивал он, расшвыривая ее шмотки во все стороны. «Ну хорошо: да. Я тебя люблю. Удовлетворен?» Тоха кинулся на нее как тигр.

Потом она уже смеялась, кричала, сама говорила: «Я тебя люблю!», хватала его за плечи, прижимала и отталкивала. Только раз еще у него вспыхнуло подозрение, он отстранился: «Кто тебя научил так целоваться?» Но она только цеплялась за его руку и не открывала глаз.

Потом она сразу же побежала в ванную, а Тоха лежал на диване и, остывая, отстраненно мыслил: как это она так может, интересно... только что прямо с ума сходила, а сразу после конца вскочила и в ванную. Это еще что, она могла и посередине встать и пойти в кухню, потому что ей, например, захотелось кофе. А на его изумление только глаза тарасила: «Я тебя не понимаю! Это же по кайфу». Тут она вошла и снова села на край дивана. Тоха потянулся ее поцеловать. Она легко ответила на поцелуй, но тут же скорчила брезгливую рожу и сказала:

– Ты грян-ный. Иди помойся хоть.

Когда Тоха пришел из ванной, она лежала голая, стройная, вытянувшись на диване. Глаза ее смотрели в потолок. Она сказала:

– Это так красиво – то, что мы делаем...

ПАЦАНЫ БЫЛИ фашистами. У них была своя мафия, они собирались на чердаке одного дома недалеко от вокзала. Однажды там случился эксцесс. Девочка, которую пробросил мальчик незадолго до этого, написала ему письмо, где очень просила встретиться. Она не подписалась. Он удивился, получив письмо. У него был тогда друг из класса, они вытащили письмо, когда шли к нему домой, а потом читали вместе и смеялись. Когда он остался один, он уже не смеялся, несколько раз перечитал листок. Встреча была назначена на завтра. Завтра он прочитал еще раз. Делать было нечего, а он никогда никого не боялся. Он пришел к этому дому, минут десять стоял, качаясь с носка на пятку. Ноги замерзали. Динамо – стучало в голове, и где-то в глубине, к глазам, подкатывала злость. Тут она вышла из подъезда в белом шарфе, намотанном на голову. Она была не красавица, он встречался с ней недели две, а потом очень просто послал. И вот она вышла из подъезда и подошла к нему. «Здравствуй, Тритон», – сказала она, растягивая слова. Раньше она так с ним не разговаривала, и Тритоном его никогда не называла, и он понял, в чем дело. «Ты меня не узнаешь?» – протянула она. Он подумал: полюбому, терять нечего. Она тут же увидела, что у него на лице, отскочила и закричала: «Заяц!» Из подъезда выкатились несколько парней в телогрейках. Чернозем, думал он, и, когда они подошли близко, ударил первый. Потом его били ногами, он старался прикрывать лицо и что-то кричал. А потом он не понял. Он лежал, мордой в снег, губами в холодный твердый снег, трогал губами горячий снег, уже не думал о том, чтобы встать, ждал, когда ударят снова, – но его схватили за руки и подняли. Он смотрел на них и чувствовал, что губы у него как сосиски. Но это были уже не те; и не с Крестов, он всех знал на своем районе. У этих были бритые головы, и они смеялись, и один сказал: «Наждачок» – смеясь зелеными глазами, как у черта. Потом они взяли его с собой, и на чердаке он сначала рассказывал, как это все получилось, а они хохотали, и один хлопнул его по плечу так, что он качнулся. Оказывается, они как раз шли на чердак, и видели все с самого начала, и им понравилось, как он ударил первый, а не понравились те фраера в телогрейках. Потом они стали пыхать, и ему дали тоже. Он когда-то давно, на юге, уже пробовал курить анашу, и сейчас длинно затянулся, задерживая в себя дым. Про этот чердак никто ничего не знал; хотя они не скрывались особенно; прямо заходили очередь в подъезд. Может, потому и не знал, что не скрывались. Пока они были просто вместе. Если кто-то говорил, обсуждали и делали вместе. Последнее слово было за Бесом. У Беса были зеленые веселые глаза, он всегда решал умнее всех, с ним надо было соглашаться. Он был злым, когда надо, но не со своими. Деньги были. Были всегда, и были общими. Когда был голяк, Бес исчезал на неделю. Потом он появлялся, и деньги были долго. Тайн у них не было. Бес доставал траву (анашу) и кух (мак), но это были его дела, и в это никто не совался. Зато все наркоманы были у них в руках. Их никогда никто не искал; когда надо, они выходили на покупателей сами. Он чувствовал: они могут все. Об этом не надо было говорить, и делать ничего

не надо. Абсолютное оружие. Ты будешь стоять спокойно. Он не стал бы никому объяснять. Те понимали. Было просто, и не надо было ничего объяснять.

«АХ КАКОЙ вчера был день – добр и хитер...» Агата пошла открывать.

– Заходи.

Эмика шагнула в дверь.

Агата пошла назад в комнату. «Осень... – пел Розенбаум. – Но паутинками сад...»

Потом она зашла на кухню. Эмика отрезала сыр и клала его на булку с маслом. Она кивнула Агате на окно:

– Это бабье лето называется?

За окном было небо. Без облаков. Агата села на табуретку. Эмика открыла холодильник, достала лимон, отрезала кусок, положила на бутерброд и тоже села, с бутербродом в руке. Откусила и уставилась на Агату. Жуя. Глазами коричневыми, как пластмассовые пуговицы.

– Я сегодня лето вспоминала, – сообщила она. Откусила еще. – Я ехала в автобусе к тебе, и голову в окно. Сзади стояла баба с парнем, у бабы черные волосы, клевая такая девочка, вся в индийской косметике. Смеялась что-то. Куколка! А я высунула голову в окно, и ветер дул мне в лицо. И солнце. И я ехала без косметики, в этом плаще, с сумкой, и я чувствовала, какая я прекрасная. И чувствовала, что они никогда ничего не поймут. Врубашься?

Агата медленно покивала головой.

– Ничего ты не врубашься, – заявила Эмика. – Когда я ехала в этом автобусе головой в окно, я почувствовала, что это лето. И я почувствовала, что поеду одна.

Она прекратила жевать и смотрела на Агату с улыбкой. Агата смотрела на нее. Потом она сказала:

– Ты охуела.

Эмика засмеялась.

Агата сказала: – Было бы лето... я бы тоже поехала.

– Сейчас лето.

– Холодно, – сказала Агата. – В лом.

Эмика улыбалась. Она сказала без всякой связи:

– Включи мне эту песню.

Агата налила себе воды, накапала туда лимона. Потом они пошли в комнату.

– Я в эту девочку влюбилась. – Эмика стояла у стены и рассматривала фотографию. Вся стена была в картинках, вырезанных из журналов. Сбоку висел плакат. Розовая соска в пепельнице, в соску вставлена сигарета.

– Покурим?

– А у тебя есть что?

Эмика пошла в коридор, за сумкой. Агата открыла окно.

Эмика держала атлас автомобильных дорог. – В Москву, – показала она. – Так, так... и еще вот так. – Палец описал неправильный полукруг и утвердительно остановился.

– Ну ты и дура.

– Ха, – сказала Эмика.

– Я бы прямо поехала. – Агата встала и подошла к окну. – Я поеду. На ноябрьские... В спальном вагоне! – выдумала она. Эмика подошла с двумя папиросами.

Агата высунулась в окно. – Бабье лето, – сказала Эмика из комнаты. – Мое, значит.

С этой стороны было не только небо, но и солнце.

– Включи, – сказала Эмика.

Агата пошла включать фон.

Эмика лежала на кровати, улыбалась с закрытыми глазами, затягивалась «Беломором». Шевелила губами за песней. «Вспоминать я буду день – тот, что был вчера. Осень... – пел Розенбаум. – Но паутинками сад просит – не забывать чудеса... Лето, когда согрета была лучами в траве роса...» – Дай мне конверт, – сказала она.

– Что у тебя в сумке? – спросила Агата, кидая конверт на кровать.

– Трусы, шапка и свитер. – ответила Эмика. Она достала лист бумаги и старательно писала печатными буквами. – А в том числе пилка для ногтей.

– Я сейчас к Рыжу поеду. Поехали со мной. Мы тебя на дорогу проведем.

– Ага, – сказала Эмика и кинула ей листок.

«МАМА И ПАПА! НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ ЗА МЕНЯ, Я УЕЗЖАЮ. ЧТОБЫ ПОНЯТЬ, ЧТО МНЕ НУЖНО. ИСКАТЬ НЕ НАДО, Я ПРИЕДУ» – Агата поморщилась:

– Фу, как напыщенно.

– Дай сюда, – Эмика отобрала письмо. «ЕСЛИ МУЖ БУДЕТ ЗВОНИТЬ. СКАЖИТЕ, ЧТО МЕНЯ НЕТ ДОМА». – Кажется, все. – Она заклеила конверт. – Вкинешь сегодня мне в почтовый ящик, хорошо? Только сегодня. Понятно?

– У тебя деньги есть..?

– Я бродяга! – крикнула Эмика, вскакивая на кровати. Она стала прыгать, протянув руки к потолку. – Зачем деньги! – кричала она, прыгая. – Так приезжай!

Агата пошла в коридор.

– Мне с календарем, – доносилось из комнаты. – Очень повезло! У бродяг всегда, представьте! Красное число!

Агата одевалась.

С РЫЖЕМ они пошли на кладбище. Рыж шел впереди, между могилами. Ну а наш любимец Рыж, он прекрасен и бесстыж. Это в комментариях не нуждалось. Обе признавали его бесспорные достоинства. Но достался он Агате. Рыж был высок, силен и крут. Агата возлюбила его с первого слова.

– Давайте сядем здесь, – сказала Эмика.

Они сели на скамейку. Эмика достала сигареты. Рыж отобрал у Агаты спички:

– Я попробую за вами поухаживать. – Эмика расхохоталась. Это не надоедало никогда.

– Что такое родина? – спросила Агата.

Все курили.

– Вот это дзіунае ягнят бляянне-зоу на пасьбішчы

І крык вароніных грамад на могілкавым кладзьбішчы.

– Откуда..? – Агата быстро повернулась. – Хрен поймешь, – отозвалась Эмика. – Пятрусь Броука. Или Барыс Глебка. В школе учили! Как ты поступать будешь?..

– Я не учила, – Агата надменно. – У меня в голову только мысли проходят.

– Входят и выходят, – Эмика, с тонкой усмешкой.

– И выходят. – Агата не приняла примирения. – Можешь посмотреть, – предложила она, слегка склонив голову. – Как шаровые молнии.

Эмика задрала голову. Ей было наплевать.

Рыж встал. Прошелся между оград. Остановился и прочитал:

– Щербакова Марья Федоровна. Щербаков Иван Ильич. – Прошел еще пару шагов. – Щербаков Владимир Иванович. Инцидент исчерпан, – заключил он.

– Я просто имела в виду, откуда ты знаешь, – вдруг приветливо Агата ей. Эмика повернулась. Эмика Тормознутая. Она никогда не попевала за Агатиным беспределом. Но она и пальцем не шевельнет. Ей было наплевать. – Про э т о, – еще приветливее зашебетала Агата, упираясь сахарной улыбкой. – Про кладбище. С деревьями. Дело в том, что Оно входит. В это мое

понятие. Родина. ... Она едет в Москву, – сообщила Агата Рыжу, внезапно повернувшись. – По трассе, сегодня.

Рыж пожал плечами.

– Ну и дура.

Эмика засмеялась.

– А зато Агата – подружка! – мне сегодня десять рублей в карман сунула. – Агата повела плечом, отстраняясь:

– Воро... Воро... ны... йих... Как это ты сказала?

– Вороны отпевали Эмику Предатчину, – со вкусом произнесла Эмика.

Вороны каркали на березах. Небо было прозрачным, холодным и синим. И уже темнело.

– Я бы с ней поехала, если бы лето, – сказала Агата Рыжу.

– Угу, – сказал Рыж.

Эмика торжествующе засмеялась. Рыж открыл рот.

– Кто много смеется, потом много плачет.

– Люблю, – сказала Эмика. – Много смеяться и много плакать.

– Доиграешься, овца. Я тебе отвечаю. – Было непонятно, серьезно он или шутит.

– Мне твои гнилые базары ни в жилы, – в тон ему ответила Эмика.

– Хорош. – Рыж встал. – Пошли отсюда.

Когда они стояли на асфальте дороги, было уже совсем темно. Эмика вышла на шаг вперед, вытянула руку, словно показывая диковинное гимнастическое упражнение.

Шшш-хххххх... – пронеслась мимо машина. Другая. Третья, легковая, остановилась впереди, метров за десять.

Эмика побежала к ней, на бегу обернувшись, улыбнулась им. Они смотрели, как она что-то говорит, склонившись над дверцей. И села.

Машина тронулась.

Красные фары сзади.

– О-о... – сказала Агата удивленно. – Почему я здесь? Не понимаю!.. Я должна быть с ней, там, в машине!

Рыж ничего не говорил.

– Пошли, – наконец сказала Агата.

Они пошли в город. Навстречу едущим машинам.

– Слушай, зачем я тебе? – спросила Агата.

Рыж не ответил.

– Ты меня любишь? – настойчиво допытывалась Агата.

Жжжжх... – проезжали машины в обе стороны.

Рыж шел и курил.

Они с Эмикой все время хотели уехать. Они хотели быть бродягами и говорили об этом. Рыж этого не понимал и не одобрял. Кроме Рыжа Агата еще много кого любила.

ДУЛ ВЕТЕР.

Он стоял на лестнице, облокотившись на перила. На мосту, над рельсами. Еще моросил совсем мелкий дождь, так, что даже не чувствовалось.

Сзади и внизу был вокзал.

Люди шли по лестнице вверх и вниз. Он один стоял, облокотившись на перила, в короткой кожаной куртке и шапке, надвинутой на глаза.

– Сколько времени? – спросил он какого-то мужика. Мужик пер вверх с чемоданом, не разбирая дороги, и даже не взглянул на него.

– Боров, – сказал он громко. Мужик не остановился – может просто не услышал.

– Сколько времени? – спросил он у бабы с сетками, спешащей вниз; и баба сказала ему «полдвенадцатого». Он сплюнул вниз, на рельсы, и посмотрел, куда летит.

Потом он посмотрел на площадь перед мостом, где автобусное кольцо. Желтый одиннадцатый проехал по луже, разбив свет фонаря, и остановился дальше. Тёлка в плаще стояла на площади и отряхивала плащ – автобус ее забрызгал. Он смотрел на тёлку. Она наконец вышла на тротуар, но снова остановилась и оглянулась. Как будто кого-то ждет. Или просто не знает, куда податься.

Внизу загромыхал поезд, и он отвлекся, а когда снова посмотрел на площадь, тёлка шла к мосту. Там фонари были, и он видел, что она улыбается. Она стала подниматься. Когда она поравнялась с ним, он сказал:

– Девушка! Подойдите сюда.

Она подошла.

– Куда ты едешь? – спросил он.

– В Москву, – ответила она весело.

– Одна? – спросил он. – Ага! – Она кивнула. – Подружка меня бросила, – добавила она. – Осталась в Минске со своим парнем, а я уехала.

– Там мои друзья встретили двоих, – вспомнил он. – Там, на вокзале. – Он кивнул назад. – Тоже в Москву едут. Это не твои случайно?

Она засмеялась. – Нет, вряд ли. Она со мной не поехала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.